

В Куньлуне водились птицы, похожие на пчёл, но размером с уток-мандаринок. Назывались они «Циньюань». Один укус – и любая птица или зверь умирал, одно касание – и дерево засыхало.

Циньюань, описанный в «Книге гор и морей», был могучим монстром. Хотя они и напоминали пчёл, но были куда крупнее. Если они сталкивались с живым существом – оно погибало. Если натыкались на растение – оно увядало. Обычно все старались их обходить стороной. Редко кто решался их тревожить, и они жили в покое и гармонии. Эти счастливые дни длились до тех пор, пока однажды всё внезапно не закончилось.

В тот день стояла прекрасная погода. Они свободно парили в небе, обсуждая, что бы съесть, как вдруг почувствовали, что на них опускается ужасающая аура. Не успели они опомниться, как их окутал чёрный туман, а затем их тела стиснула пара гигантских лап.

Один из циньюаней попытался ужалить в ответ, но, ударив жалом по зверю, обнаружил, что не может даже проколоть кожу на его лапе. Они оказались зажаты в ней, словно маленькие игрушки.

«Мы умрём, мы умрём, мы умрём...» – эта мысль билась в каждом циньюане, как предсмертный пульс. Им казалось, что гибель уже сомкнула свои челюсти, готовясь проглотить их целиком. Но в тот миг, когда души их уже приготовились к смерти, над головами прозвучал властный, величественный голос.

«Вы можете производить мёд?» – спросил свирепый зверь.

Производить мёд? Старшего из циньюаней звали Мань Чэнь. Он был самым древним, самым умудрённым опытом, но и он на мгновение застыл, оглушённый нелепостью вопроса.

Не дождавшись ответа, зверь оскалился нетерпением. «Вы можете производить мёд или нет?»

«Можем, можем, можем!!» – в ужасе выкрикнул Мань Чэнь. Он понимал: если не сможет добыть мёд, то в следующий миг его тело окажется в звериной пасти. Жажда жизни заставила его дать положительный ответ: «Мы сможем!»

«Хм, – довольно рыкнул зверь. – Тогда вы все будете пчёлами».

Мань Чэнь: «...»

Остальные циньюани: «...»

Они и помыслить не могли, что их, чудовищ, одним касанием убивающих всё живое и

иссушающих любое дерево, низведут до крохотных, безобидных пчёл.

«Что? Вы против?» – зверь заметил их оцепенение.

«Нет-нет-нет! – как же мог Мань Чэнь медлить? – Мы – маленькие пчёлки, мы – маленькие пчёлки!»

Свирепый зверь: «Угу. Смотрите, не оплошайте, когда придёт время».

Цинъюани: «...»

Так цинъюани, отрёкшиеся от своей чудовищной сути и покорно ставшие пчёлами ради спасения, разыграли эту сцену.

Лу Цинцзю ничего этого не ведал, но, проглядев «Книгу гор и морей», мигом понял, кто скрывается под личиной «маленьких пчелок».

Он вынес из комнаты собственноручно сколоченный улей. Взглянув на их огромные тела, встревожился: «Этот улей слишком мал. Боюсь, вы не поместитесь».

«Всё в порядке, всё в порядке, – торопливо заверил самый крупный из них. – Мы можем уменьшиться, прошу, не волнуйтесь об этом!» С этими словами он сжался до размеров большого пальца и взмахнул крыльями.

Лу Цинцзю это позабавило. «Вы правда умеете делать мёд?»

«Умеем, – почтительно ответил Мань Чэнь. – Какой вкус вы желаете?»

Лу Цинцзю: «...Я могу выбирать вкус?»

«А разве их мало? Например, мёд из османтуса, из софоры японской, из годжи и так далее». – Мань Чэнь прилёг на верхушку улья, с тревогой глядя на Лу Цинцзю.

Лу Цинцзю улыбнулся: «Любой подойдёт. Делайте, как вам удобно».

Эти цинъюани были воистину прекрасны: их крылья переливались всеми цветами радуги, а глаза сияли, как сапфиры. Они казались изящными творениями искусства. Глядя на них, рука Лу Цинцзю сама потянулась. «Можно тебя погладить?»

Мань Чэнь: «Конечно, гладьте где угодно, только не трогайте моё жало».

Хотя они не знали, кто такой Лу Цинцзю, пахнувший обычным человеком, видя, как с ним обращается свирепый зверь, они поняли: этот человек не из тех, кем можно пренебречь...

Лу Цинцзю протянул руку и провёл по перьям цинъюаня. Они оказались невероятно мягкими и гладкими, словно атлас. Он невольно рассмеялся. «Если тебе неприятно, не терпи».

«Нет-нет, мне не неприятно». – Мань Чэня никогда раньше не касался человек, и он слегка нервничал, но тепло пальцев Лу Цинцзю оказалось даже приятным. Однако в следующую секунду ледяной взгляд пронзил его насквозь. Тело цинъюаня застыло. Проследив источник, он увидел, что свирепый зверь смотрит на него с недобрым лицом, крайне недовольный.

Мань Чэнь: «...Старший брат, больше не трогайте».

Если юноша погладит его ещё раз, от шкуры Мань Чэня ничего не останется.

Лу Цинцзю: «О, прости. Ты такой приятный на ощупь, я не удержался».

Мань Чэнь беззвучно плакал в душе: «Мне-то было приятно! Но жизнь дороже».

Так, по полному энтузиазма «уговору» с Бай Юэху, этот пчелиный рой успешно поселился в доме Лу Цинцзю. Правда, в отличие от настоящих пчёл, в рое было всего четыре-пять цинъюаней.

Став крошечными, они выглядели в улье одиноко. Лу Цинцзю спросил, не нужно ли поместить их туда, где больше полевых цветов, но все ответили, что это ни к чему: они могут за день пролететь тысячу ли. К тому же они и так уже обременили Лу Цинцзю, попросив сделать для улья навес, чтобы не промокнуть под дождём.

Тогда Лу Цинцзю поместил этих маленьких «пчёл» в своём внутреннем дворе и даже соорудил им крышу из досок, сказав, что отныне это их дом, и если что-то понадобится, пусть просто просят.

Несколько крохотных «медоносных пчёл» жалобно закивали, говоря Лу Цинцзю: «Вы действительно хороший человек».

Лу Цинцзю: «...» У него не хватило духу признаться, что это он попросил завести пчёл ради мёда.

Впрочем, Лу Цинцзю не особо надеялся на мёд. Разве эти цинъюани действительно способны его производить? Согласно описанию, всё, к чему они прикасались, умирало. Ну и ладно, можно просто держать их во дворе и заботиться – это не сложно.

Вскоре Лу Цинцзю выбросил пчелиный вопрос из головы. Но через полмесяца Инь Сюнь, пошедший убирать внутренний двор, вдруг закричал: «Цинцзю, Цинцзю, иди сюда скорее!!»

Лу Цинцзю жарил хрустящее мясо для Инь Сюня. Услышав крики, он отложил лопатку. «Что случилось?»

Инь Сюнь сказал: «Наш улей полон!»

Удивлённый Лу Цинцзю направился во двор. Верхушка улья была покрыта золотистым, дурманящим мёдом. Его было так много, что он даже сочился сквозь трещины, капая на землю.

Инь Сюнь вытащил рамку и изумлённо сказал: «Полностью залита. Так быстро?»

Лу Цинцзю всё ещё пребывал в шоке, когда из улья вылетел маленький цинъюань и тихо спросил: «Какой вкус мёда вы предпочитаете?»

Лу Цинцзю: «Есть разные вкусы?»

Инь Сюнь, этот болван, стоял рядом и шумел: «Я хочу мёд со вкусом шоколада!»

Маленький цинъюань закатил глаза на Инь Сюня. «Я спрашивал про вид цветка».

Весна - пора, когда цветут тысячи цветов. Большинство растений распускается прекрасными бутонами, и мёд из разной пыльцы приобретает свой вкус, даже с ароматом цветов.

Лу Цинцзю: «А какие цветы у вас есть?»

«Персик, груша, розы... Все какие угодно. - Этот маленький цинъюань, казалось, был ещё молод и не так напуган, как тот большой. - Можете взять любой, но у меня есть одно крошечное условие».

Лу Цинцзю: «Какое?»

«Вы должны меня погладить, - сказал маленький цинъюань. - Так же, как Мань Чэня!»

Лу Цинцзю на миг растерялся, но потом понял, что Мань Чэнь - тот самый цинъюань, которого он гладил раньше. Кроха перед ним был очень милым, а цинъюани были так приятны на ощупь, что Лу Цинцзю с радостью согласился. Он протянул руку и осторожно погладил мягкие перья.

Глаза маленького цинъюаня от удовольствия сощурились, он даже замурлыкал себе под нос.

У Инь Сюня зачесались руки. «А я могу тебя потрогать?»

«Не прикасайся ко мне, – безжалостно отказал маленький цинъюань. – Не оскверняй моё невинное тело».

Глаза Инь Сюня расширились. «Но почему ему можно?»

Маленький цинъюань: «Так он же человек, правда?»

Инь Сюнь: «...»

Маленький цинъюань: «Люди и мы не можем быть вместе. А ты не человек. Вдруг влюбишься в меня?»

Инь Сюнь: «Я не влюблюсь в тебя!»

Маленький цинъюань: «Ха, ни одному горному божеству нельзя верить».

Инь Сюнь: «...» Друг, что с тобой случилось в этом мире?

Лу Цинцзю не удержался от смеха. Погладив цинъюаня несколько минут, он успешно получил несколько рамок мёда. Оставался вопрос, как извлечь мёд из рамок. Но тут Инь Сюнь принёс железную трубку и сказал, что может справиться с этим сам. И Лу Цинцзю увидел, как он стряхнул весь мёд с рамки в ведро.

Это был весенний мёд. Лу Цинцзю попробовал немного – вкус оказался превосходным. Никакой приторной сладости искусственного мёда. Он был не слишком сладким, но наполненным насыщенным ароматом. Особенно хорош он был, если растворить его в воде или использовать в выпечке.

Лу Цинцзю достал несколько стеклянных банок и разлил по ним весь мёд. Затем позвонил Чжу Мяомяо, спросить, не хочет ли она мёда.

Услышав, что это натуральный мёд, Чжу Мяомяо оживилась. Сейчас она была частью «оздоровительной тусовки с годжи», поэтому ни за что бы не отказалась от таких натуральных продуктов. «Да, да, пришли мне немного!»

Лу Цинцзю сказал: «Тот же адрес, что и раньше?»

«Да, отправь в офис, – сказала Чжу Мяомяо. – Я сейчас очень занята, даже поговорить некогда. Кстати, то шоу, о котором ты упоминал в прошлый раз, ещё снимается? Когда я закончу здесь,

планирую приехать и окунуться в эту суматоху».

«Нет, они уже не снимают. Там случилось несколько происшествий, так что они уехали».

Чжу Мяомяо спросила: «Уехали? Куда?»

«Не знаю, – произнёс Лу Цинцзю, – возможно, они уехали в другое место снимать свою программу».

Чжу Мяомяо с сожалением произнесла: «Как жалко, но я всё же хочу приехать и пожить у вас несколько дней. У вас всё так вкусно, мои желания просто убивают меня».

Лу Цинцзю рассмеялся: «Добро пожаловать, добро пожаловать».

Если бы Чжу Мяомяо не приложила столько усилий, помогая ему открыть магазин на Таобао, они до сих пор тревожились бы о том, сколько овощей продать, чтобы купить мяса. Сейчас жизнь в этом доме улучшилась, он мог позволить себе кормить Инь Сюня и Бай Юэху до состояния бледности и пухлости*, и в этом была немалая заслуга Чжу Мяомяо. Инь Сюнь, конечно, вовсе не желал становиться бледным и пухлым – в конце концов, как резервный рацион Бай Юэху, поправляясь, он приближал собственную гибель.

[Бледными и пухлыми – потому что им не нужно работать под солнцем и они хорошо едят.]

Но, к счастью, Лу Цинцзю был рядом и не позволял своему питомцу... то есть, нет, своему сыну – быть съеденным Бай Юэху.

Чжу Мяомяо сказала, что приедет в конце месяца, на день рождения Лу Цинцзю. Молодой человек согласился.

Был март, и день рождения Лу Цинцзю приходился на его окончание. Хотя обычно он не привык отмечать свои дни рождения, он всё же решил приготовить пирог. Можно считать, что это было ради улучшения жизни двух обжор в его доме.

Через несколько дней после получения меда Лу Цинцзю испёк в духовке огромный медовый пирог. В домашней выпечке, естественно, каждый добавляет сколько хочет. Он вмешивал в тесто мед, яйца и молоко, словно деньги для него ничего не значили. В результате пирог стал воздушным, словно облако, его золотистая поверхность источала сладкий аромат. При разрезании весь пирог упруго подрагивал, как нежный пудинг, что выглядело особенно соблазнительно. Сам Лу Цинцзю не мог удержаться и съел несколько кусочков.

Инь Сюнь и Бай Юэху горячо восхищались этим медовым пирогом. Инь Сюнь даже умолял Лу

Цинцзю приготовить ещё один завтра, на что Лу Цинцзю, улыбаясь, ответил: «Хорошо-хорошо, завтра сделаю ещё больше».

Конечно, он не забыл отдать часть самым главным вкладчикам – маленьким пчёлкам. Циньюань были чрезвычайно рады получить этот пирог. Они говорили, что никогда прежде не ели ничего столь вкусного, и что впервые узнали, что мед можно использовать таким образом – люди действительно были волшебными существами.

Волшебное существо Лу Цинцзю: «...» Верно, во всём этом доме был лишь один человек – он сам, разве это не было достаточно волшебным?

Погода постепенно теплела, ветви деревьев и кустарников раскрывались прекрасными цветами. Весь мир наполнялся жизнью.

Лу Цинцзю позвонил Чжу Мяомяо и отправил ей большой красный конверт, попросив прислать немного клубники перед своим приездом.

Такие ягоды, как клубника, были дорогими и сложными в транспортировке, поэтому в деревне Шуйфу их практически не видели. Да и вообще, насколько дорогой была сама клубника? Высококачественную клубнику трудно найти даже в большом городе. Однако там, где раньше жил Лу Цинцзю, располагались несколько крупных плантаций клубники. Шоколадная клубника оттуда была одновременно крупной и красивой. Хотя она не была особенно сладкой, вкус всё же был достойным.

Казалось, Инь Сюнь и Бай Юэху никогда прежде не пробовали таких ягод. Воображение этих двоих было крайне ограничено их бедностью.

Весна была временем для клубники. Сезон её плодоношения был коротким, и ягоды трудно сохранить. Лу Цинцзю планировал позволить Инь Сюню и Бай Юэху съесть сколько захотят, а если не осилит всё – приготовить из остатков клубничный джем.

«Это клубника? – Инь Сюнь прежде видел клубнику, но почти никогда не ел её. Он разглядывал красные ягоды, упакованные в пенопластовый контейнер, и моргнул. – Такая красивая».

Лу Цинцзю сказал: «Давайте я сначала её вымою, потом сможете есть».

Чжу Мяомяо придет только через день, а клубника прибыла сегодня. С первого взгляда было видно, что ягоды тщательно отобраны: каждая была почти размером с половину ладони, тёмно-красного цвета и излучала уникальный клубничный аромат.

Бай Юэху, похоже, тоже никогда не пробовал такой ягоды. Он стоял рядом с Инь Сюнем,

наблюдая, как Лу Цинцзю моет их.

Лу Цинцзю сказал: «Не знаю, продаются ли в городе саженцы клубники. Если есть – куплю. Клубника, выращенная Юэху, определённо будет вкуснее этой». – Закончив мыть, он с улыбкой положил по одной ягоде в рот Инь Сюня и Бай Юэху.

Огромная ягода раздула щёки Инь Сюня. Он сделал несколько укусов, глаза его вспыхнули, и он произнес: «Так вкусно!»

Бай Юэху кивнул. Откусив кусочек клубники, красный сок окрасил его тонкие губы, делая его и без того прекрасное лицо ещё более привлекательным. Это очарование, однако, не было женственным – скорее, в нем было что-то холодное, отчего на него невозможно было смотреть без трепета. «Очень вкусно», – сказал он.

«М-м, можете есть, я вымою остальное, – сказал Лу Цинцзю. – Ешьте сколько хотите; если не доедите – использую остатки для клубничного джема».

Оба кивнули, затем сели и с удовольствием принялись за клубнику, каждый брал ягоду и отправлял её в рот. Когда они закончили, губы обоих были окрашены в красный цвет.

Лу Цинцзю ел, пока мыл. Чжу Мяомяо на этот раз прислала довольно много – несколько десятков цзинь, должно было хватить всем.

Однако во время их трапезы раздался стук в дверь. Лу Цинцзю, предполагая, что это Ли Сяюй, не спросил, кто там, и открыл. Кто же знал, что за дверью появится лицо того, кто здесь не должен был быть. Увидев его, Лу Цинцзю чрезвычайно удивился.

«Прошу прощения. – В дверях стоял Цзян Бухуань, который давно должен был покинуть Шуйфу. На руке у него была рана. Его лицо выглядело крайне скверно. – Я пришёл, чтобы снова побеспокоить вас».

«А? – Лу Цинцзю ответил: – Почему вы... вернулись?»

Рядом с Цзян Бухуанем никого не было; похоже, он пришёл один.

«Можно войти?» – На лице Цзяна Бухуаня была горькая улыбка.

Лу Цинцзю мгновение задумался, затем отступил, пропуская его внутрь.

Цзян Бухуань вошёл в двор и увидел Бай Юэху, который вместе с Инь Сюнем ел клубнику. Увидев лицо Бай Юэху, в его глазах вспыхнуло изумление – он был потрясён небывалой красотой Бай Юэху.

«Если есть что сказать, говорите прямо». - Лу Цинцзю небрежно пододвинул ему стул и указал сесть.

Когда Цзян Бухуань сел, по его спине пробежал холод от пронзительного взгляда Бай Юэху. Он сухо кашлянул и прошептал: «Почему ваш друг так пристально смотрит на меня? Возможно, ему нужен автограф?» - Выражение его глаз было слишком устрашающим; но они никогда не встречались - может, он был его фанатичным поклонником?

Лу Цинцзю подумал: «Ты посмел дать ему свой автограф? Он может разорвать тебя на части и съесть, как только ты достанешь ручку». Конечно, он не мог сказать этого, поэтому лишь тактично ответил: «Не нужно, он не из тех, кто гонится за знаменитостями».

«Тогда почему он так пристально смотрит?» - Это был первый раз, когда Цзян Бухуань обнаружил, что чей-то взгляд может быть столь ужасающим.

Лу Цинцзю приходилось сдерживать смех. «Вы украли его помидоры».

Цзян Бухуань: «...»

«Целых двенадцать штук». - Лу Цинцзю прикрыл рот рукой, его плечи слегка дрожали.

Цзян Бухуань: «...» Он не знал, что сказать. Это называлось законным возмездием? Под пристальным взглядом Бай Юэху он уже покрылся холодным потом и даже начал слегка дрожать.

Когда Лу Цинцзю перестал смеяться над ним, он пошёл успокаивать лисий дух своей семьи, который практически излучал чёрную ауру негодования. «Юэху, оставь немного клубники, сегодня вечером приготовлю клубнично-медовый пирог. Кроме того, дай корове немного клубники - клубничное молоко очень вкусное».

Только услышав о любимом медовом пироге, Бай Юэху отпустил Цзяна Бухуаня. Иначе на него могли бы смотреть до самого обморока.

Уладив дело с Бай Юэху, Лу Цинцзю снова сосредоточился на госте. По сравнению с первым визитом, нынешний Цзян Бухуань выглядел невероятно измождённым. Левую руку, видимо, он сломал, под глазами залегли тёмные круги, сам он был худым и бледным. Как ни посмотри, чувствовалось, что что-то было не так. «С вами что-то случилось?»

Цзян Бухуань горько рассмеялся. «Да. Помните тот несчастный случай, когда мы уезжали?» - спросил он.

«Помню, - сказал Лу Цинцзю, - вы говорите о том, как ваш водитель внезапно заснул, верно?»

«Да, – сказал Цзян Бухуань, – тогда я думал, что, покинув это место, всё закончится. Позже понял, что это было лишь начало... – его голос, полный страха, дрожал. – После произошло гораздо больше».

Лу Цинцзю спокойно слушал продолжение.

«Например, внезапная утечка газа в хостеле, где мы остановились. Если бы не моё пробуждение среди ночи, мы все могли погибнуть. Были и отказавшие тормозы... В целом, словно кто-то желает убить нас всех, – сказал Цзян Бухуань. – Знаете, несколько дней назад здесь произошла автомобильная авария?»

«Автомобильная авария? – Лу Цинцзю был сбит с толку. – Вы говорите о деревне Шуйфу?»

«Да, – сказал Цзян Бухуань, – на самом деле я прибыл в город несколько дней назад».

Брови Лу Цинцзю нахмурились. «Что вы имеете в виду?»

Цзян Бухуань произнёс: «Добравшись до города, мы взяли две машины, чтобы доехать до вашей деревни. Я ехал первым, остальные – за мной, бампер в бампер. Но на полпути мы заблудились среди горных дорог, – его голос дрожал. – Там была лишь одна дорога, но куда бы мы ни сворачивали, конца ей не было...»

Лу Цинцзю спросил: «Вы думаете, это было связано с чем-то потусторонним?»

Он вспомнил, как когда-то сам застрял в горах с Инь Сюнем и Чжу Мяомяо – спуститься не было никакой возможности. Тогда за ними пришёл Бай Юэху. Если бы не он, все они, верно, погибли бы на той горе.

«Не знаю, – Цзян Бухуань горько усмехнулся. – После этого мы всё ехали и ехали, но случилось кое-что ещё».

Из его рассказа Лу Цинцзю понял: машина позади внезапно рванула вперёд и врезалась в него. Он вцепился в руль мёртвой хваткой – и чудом остался жив. Но та машина, битком набитая людьми, рухнула с обрыва. Все в ней погибли.

В той аварии Цзян Бухуань сломал руку, но испугало его не это. Страшнее всего было другое: вернувшись в город и сообщив о происшествии, он узнал, что никакой второй машины не было. На влажных после недавнего дождя горных дорогах остались следы лишь одной машины. Той, второй, о которой он рассказывал, никогда не существовало. Перепуганный Цзян Бухуань связался с друзьями, которые якобы ехали в той машине, – но все они были живы и здоровы, понятия не имели ни о какой поездке в Шуйфу и решили, что он, верно, сошёл с ума.

«Я ничего не понимаю, – закончив рассказ, Цзян Бухуань рванул себя за волосы, до боли. – Я

точно видел этих людей. На моей машине остались следы удара сзади. Но почему все твердят, что той машины не было...»

Выслушав его, Лу Цинцзю помолчал. «Вы уверены, что в вас врезалась машина ваших друзей, а не что-то иное?»

Лицо Цзян Бухуаня окаменело.

Лу Цинцзю продолжил: «За это время... не было никаких дурных предчувствий?»

Цзян Бухуань криво усмехнулся. «Были».

«Какие?»

Цзян Бухуань ответил глухо: «Я чувствовал, что вот-вот умру».

И это чувство нарастало с каждым днём – до такой остроты, что даже дуновение ветра казалось лезвием, готовым отсечь ему голову, отчего волосы на затылке вставали дыбом.

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю: Я хочу клубники*...

Бай Юэху: Я посажу для тебя.

Лу Цинцзю: И?.. Ты... А-ах!

Бай Юэху: Ещё хочешь?

Лу Цинцзю: ...

[«Клубника» здесь – эвфемизм засосов.]

<http://bllate.org/book/15722/1630926>